

циями и войнами, а папство, разбитое расколом, потеряло свой моральный авторитет. В этой катастрофе, требовавшей от всех германского напряжения, жизненная сила Запада оказалась равной нулю; наоборот, жизнеспособность государства османов выказала такую мощь, что оно пережило даже этот смертельный кризис.

Весть об этих чрезвычайных событиях дошла до императора Мануила, когда он был при дворе Карла VI в Париже, куда прибыли послы, призывая его в Константинополь и давая ему даже надежду на заключение союза с Тимуром. Но прежде, чем он успел добыть на Западе средства и войско для возвращения на родину, Сулейман, старший сын Баязета, был провозглашен в Адрианополе преемником своего отца. Ничто не может служить лучшим доказательством бессилия, взаимной вражды и бессердечного эгоизма всех тогдашних государств и правителей Запада, чем признание верховенства нового султана даже в этот момент, когда сила турецкой монархии была надломлена внутренними раздорами.

Греческие государи поспешили восстановить свои прежние вассальные отношения к Высокой Порте. Антонио Аччьяйоли, лично отправившись ко двору султана в Адрианополь, старался получить его утверждение в звании владетеля Афин, и даже Венецианская республика признавала турецкого султана законным властителем Аттики. Она не стыдилась настаивать на том, чтобы он силой своего авторитета принудил узурпатора выдать ей эвбейских пленников и город Афины.

В качестве венецианского уполномоченного Пьетро Цено, владетель Андроса, ловкими услугами которого синьория уже пользовалась в аргосских делах, отправлен был в Адрианополь, где при турецком дворе действовал в противоположном направлении доверенный Антонио. Цено продолжал переговоры в Галлиполи. Тяжелое положение в Европе и Малой Азии, где сельджукский владетель Карамана и другие государи относились к нему враждебно, заставило султана уладить прежде всего все недоразумения с восточными государствами. Если он мог и не бояться крестового